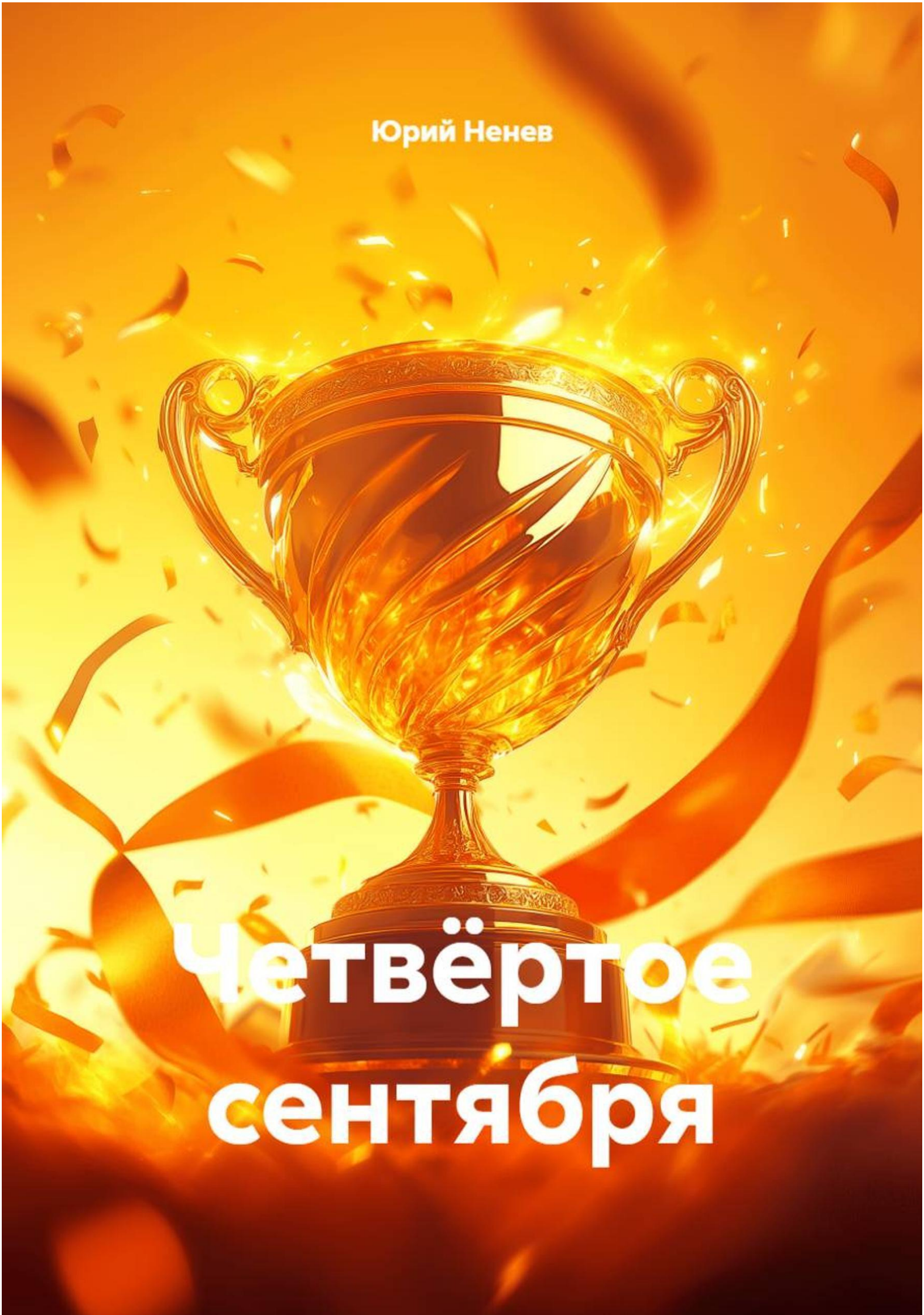
Юрий Ненев



Четвёртое сентября

Юрий Ненев

Четвёртое сентября

«Автор»
2026

Ненев Ю. В.

Четвёртое сентября / Ю. В. Ненев — «Автор», 2026

Франция, 1978 год. Советский разведчик Гелий Русаков работает в посольстве СССР в Париже под видом дипломата. Пребывая в зарубежной командировке, он знакомится с Мариной - местной журналисткой из русской диаспоры. Между ним и девушкой вспыхивают чувства. Русаков пытается скрыть от начальства факт того, что он, чекист и член коммунистической партии, преступил границы дозволенного, закрутив роман с местной жительницей, да еще из числа потомков белой эмиграции. От Марины он пытается утаить то, что является сотрудником КГБ, а не обычным дипломатом. Ситуация усугубляется тем, что избранница Русакова оказывается членом террористической группировки, втянутой в игру сразу четырёх разведок.

© Ненев Ю. В., 2026
© Автор, 2026

Юрий Ненев
Четвёртое сентября

Глава 1

Глава резидентуры Секуритате при румынском посольстве в Париже Вергилиу Албу неторопливо отмерял шаги, прохаживаясь по ковровой дорожке, расстеленной вдоль ряда окон, выходящих в сторону сада. Полковник легонько отодвинул штору, чтобы полюбоваться аккуратно подстриженными кустами жасмина, шиповника и багульника, которые росли под окнами здания посольства. До начала августа оставалось всего каких-то три дня, но этот июль в Париже выдался отнюдь не летним. Ещё утром прошел дождь: его капли сверкали серебром на подстриженных кустах регулярного парка и на свечках тёмно-зеленых туй, которые росли по периметру забора, обрамлявшего территорию посольства. Однако, при всем при этом, над городом сияла лазурь небо, а солнечные лучи мерцали отблесками в оконных стеклах и на фасаде здания.

Полковник Албу вновь зашторил окно, и вернулся к своим делам. В этот вечер пятницы он собрал у себя в кабинете всех представителей Секуритате, работавших во Франции под видом обычных дипломатов. В лицах офицеров угадывалось напряжение: начальник явно хотел сообщить что-то очень важное и безотлагательное, отчего рабочий день, который обычно заканчивался раньше обычного, несколько затянулся. В кабинете главы резидентуры румынской разведки обстановка подчёркнуто вычурная, помпезная: всюду канделябры, золочёные светильники, узорчатые обои, массивные бархатные шторы, изразцовые карнизы, дорогая резная мебель из ценных пород дерева. В шкафах и на столах стояли всевозможные канцелярские изделия, изготовленные из малахитового камня, на рабочем песте полковника была отложена в сторону шахматная доска, уставленная фигурами из янтаря и аметиста. Вергилиу Албу был заядлым любителем этой игры. Впрочем, играть ему приходилось не только в рабочем кабинете – куда более важные партии он проводил на политической арене. За спиной рабочего места полковника на стене висела громадная картина в дорогом багете, изображающая сияющего белозубой улыбкой Друга румынского народа, Гения Карпат, Кондукатора новой Римской Империи – Николае Чаушеску. К слову сказать, это было не единственное напоминание о главе государства в кабинете начальника резидентуры: на его рабочем столе возле абажурной лампы и телефона стоял маленький мраморный бюстик Чаушеску. Немногим меньше был красочный портрет Иосифа Сталина в парадном мундире, украшенном орденами и медалями. Казалось, что неизвестный румынский художник даже излишне приукрасил Вождя Народов: уж подозрительно много у того было наград. Портреты Владимира Ленина, Карла Маркса, Фридриха Энгельса и основателя социалистической Румынии – Георгиу-Дежа были куда менее приглядные: черно-белые, меньше по размеру, в простых деревянных рамках.

Дождавшись, пока все представители резидентуры Секуритате соберутся в кабинете, полковник Албу произнес вводную речь, после чего приступил к оглашению важной информации.

- Из Бухареста поступила сверхважная информация о том, что в Париже остановился видный египетский учёный – профессор прикладной математики, специалист в области радиотехники и электронно-вычислительных машин Мохаммад Али Хусам аль-Зенауи. Когда-то он получил образование здесь – в парижской Сорбонне. С французской стороной у профессора всегда были тёплые дружеские связи. Вот и сейчас, когда Каир переориентировал свою политику со стороны стран Социалистического лагеря в пользу капиталистического мира, старые связи Аль-Зенауи оказались для Египта очень полезными.

Как вы знаете, пять лет назад арабские страны, включая Египет, потерпели сокрушительное поражение в войне Судного дня. А ведь как тогда всё хорошо начиналось: Израиль не был готов к нападению, и у арабских армий были все козыри в руках – они сумели продвинуться

вглубь израильской территории, в короткие сроки вскрыть узлы обороны противника, словно консервные банки, но а потом… дальше вы знаете всё сами: у арабов, как всегда, что-то пошло не так, и победа в противостоянии с еврейским государством, которая была почти в руках, растворилась, словно пустынный мираж. Конечно же, первопричина всех арабских неудач – это утечки информации из их штабов и правительственных кабинетов. Предательство – вот та червоточина, которая неустанно гложет арабский мир, и несмотря на его исполинские масштабы, всякий раз мешает разделаться с Израилем.

Вот и сейчас: не успел профессор приземлиться в парижском аэропорту, как даже в далёком от Каира Бухаресте узнали о его визите. Руководству нашей разведки даже известна цель приезда Аль-Зенауи во Францию: его интересуют французские разработки в области электронно-вычислительной техники и системе перехвата радиоэфира. То есть, египтянин приехал сюда по части информации военного назначения.

Вы спрашиваете при чём тут Франция? А ничего удивительно тут нет! Париж, мягко говоря, недолюбливает Тель-Авив. Франция давно занимает активную антиизраильскую сторону и старается любым способом насолить еврейскому государству. Поэтому в Сорбонне учится так много арабских студентов, включая тех, что состоят в Организации Освобождения Палестины, а многие даже проходили подготовку в лагерях для боевиков ООП. Да и что тут говорить: Франция, несмотря на то что позиционирует себя как демократическую страну, по своей сути остается при своем подспудном антисемитизме: людей еврейского происхождения стараются по возможности не принимать в высшие учебные заведения, принадлежность к еврейской нации – причина для отказа по вакансии при трудоустройстве. Что касается силовых структур, Франция проводит точно такую же политику, как и СССР: и в Париже и в Москве есть негласное распоряжение – не допускать лиц еврейского происхождения к работе в органах госбезопасности, полиции, армии, системе юстиции и гостайнам.

Нам, как представителям посольского корпуса и разведки, хорошо известны научные возможности и потенциал Франции. В частности, достоверно известно о том, что Париж ведёт секретные разработки в области радиотехники и радиоперехвата. А именно: французы работают над созданием компьютерного комплекса, который может перехватывать сигналы вражеской ПВО и ракетных систем, и, засекая работу таковых, дистанционно отключать их. В первую очередь, эти разработки направлены против военного потенциала стран Варшавского договора – то есть нас. Представляете, что может быть, если такая хитроумная французская машина в нужный момент по нажатии одной кнопки отключит всю систему ПВО и все ракетные комплексы Советского Союза и союзников, включая Румынию? В таком случае Восточная Европа откатится в 1945-ый год: будучи вооружённой только простыми видами вооружений, социалистический военный блок превратится в удобную и безответную мишень для ракет НАТО. Далее страны социалистического блока просто становятся лёгкой добычей в крестовом походе Запада против Востока. Эти разработки, разумеется, сверхсекретные. Ни КГБ, ни наша разведка, ни коллеги из стран-союзников, до сих пор не добрались до этой системы компьютеров. На нашу удачу Франция, желая досадить Израилю, решилась помочь Египту в разработке аналогичной системы дистанционного отключения ПВО и ракетных систем. Если у французов похищение такого секрета представляет собой непростую задачу, то выкрасть у египтян такие наработки для Секуритате будет значительно проще. Почему бы и нет? Любая арабская страна – дырявое ведро, в которое запускает руку любой желающей? Чем чёрт не шутит: если повезёт, то вместе с материалами по ЭВМ мы раздобудем что-нибудь интересненькое для того, о чём мы давно мечтаем!

Карие глаза полковника Албу при этих словах довольно заблестели. Хитрец приблизился к тому, чтобы выполнить главную задачу своей жизни. Офицеры Секуритате почувствовали эту наэлектризованность, прониклись ею. Разведчики стали довольно ухмыляться: они поняли посыл полковника Албу. «Интересненькое, о чём так давно мечтают» — это не что иное

как атомная бомба. Румыния, оставаясь верной заветам Сталина, давно находилась в состоянии перманентных разногласий с СССР. Это даже подтолкнуло Бухарест к открытой поддержке противника Советского Союза – маоистского Китая, и политике налаживания диалога со странами Запада в пику Москве. Из всех стран капиталистического блока у Румынии наилучшим образом складывались отношения с Францией: сказывались культурные связи, общность латинского происхождения двух народов, похожесть французского и румынского языка. Бухарест задолго до прихода к власти коммунистов во многом подражал Франции: архитектура и стиль центральных районов столицы в точности копировали парижскую, отчего Бухарест назывался «балканским Парижем». С установлением социалистического режима галломания румын нисколько не прекратилась, и даже приняла новые обороты: появилась мода на французские пекарни и утреннюю выпечку, прижились французские рецепты приготовления кофе, на всех правительственных банкетах гостей потчевали изысками классической французской кухни. Когда пошел разлад с Москвой, Румыния еще больше бросилась в объятия дружбы с Парижем: теперь в Румынии французский язык получил статус главного иностранного языка, вместо русского, французские авиалинии обслуживали румынские воздушные гавани, по радио и телевидению крутили французские кинофильмы и музыку, заработало гуманитарное общество «Франция-Румыния», в сталинистскую страну на Балканском полуострове хлынули потоки французских товаров, а в ответ из Румынии во французские порты шли пошли танкеры с трансильванской нефтью. Париж охотно выдавал Бухаресту кредиты под низкие проценты. В ответ Румыния занимала на международной арене профранцузскую сторону.

Пик сближения двух стран пришелся на период президентства Шарля де Голля. Франция вышла из НАТО, штаб-квартиру североатлантического альянса перенесли из Парижа в Брюссель. Генерал де Голль открыто стал говорить, что не только Франции, то и всей Европе пора перестать лизать сапоги Москве и Вашингтону, Европа должна стать третьей силой. Румынская сторона с энтузиазмом подхватила риторику президента Пятой республики: перестала участвовать в военных учениях стран Варшавского договора, прекратилось сотрудничество румынской разведки со спецслужбами стран восточной Европы. Возможно, Бухарест последовал бы примеру Парижа, выйдя из состава военного блока, но этому мешал страх Румынии перед СССР. Николае Чаушеску видел, как военный блок социалистических стран наказал в 1968-ом году Чехословакию за её нелояльность. Следующим объектом была бы Румыния, если бы та не сохраняла бы хоть какие-то проявления сотрудничества с Советским Союзом. Индульгенцией для избавления от железных тисков Москвы мог быть только «джокер в рукаве» румынского «Кондукатора и Гения Карпат» – атомная бомба. Ядерным потенциалом из всех стран Организации Варшавского Договора располагал только СССР. Маоистский Китай, обзаведясь атомным оружием, стал не по зубам Москве. Точно такой же трюк хотела проделать Румыния, испытав свою родную бомбу в подземных штольнях Карпатских гор: вот только румынская фундаментальная наука пока что была далека от разработок таких масштабов. Единственным выходом оставалось только, пользуясь сближением с Парижем, выкрасть у французов их ядерные секреты. Именно это и было первостепенной задачей руководителей резидентуры Секуритате в Париже. Полковник Вергилиу Албу не был исключением. К тому же, его послужной список мог пополниться похищенным у французских военных секретом дистанционного выведения из строя систем вражеского ПВО, радиолокационных станций и пусковых систем пакет. Обзаведись Румыния этой компьютерной системой, она бы стала доминирующей силой не только на Балканах, но и смогла бы проводить независимую от Москвы политику, не опасаясь советского армейского сапога.

Минута всеобщего воодушевления закончилась, когда полковник Вергилиу Албу снова переменился в лице, и, держась руками за спинку своего стула, продолжил речь.

- План выглядит простым. Я не сомневаюсь в вас, мои уважаемые товарищи, в вашем профессионализме. Поставленная руководством задача вполне по плечу Секуритате: нам приходилось решать задачки и посложнее. Но есть одна проблема… так же легко, как узнали о франко-египетских планах мы, так же легко утечка информации могла стать достоянием многих разведок мира. Французы, если что, будут отрицать то, что передавали Египту военные технологии НАТО – им нужно любой ценой ковырнуть североатлантический альянс. В свою очередь Египет… в этой стране, как и в любой другой арабкой стране, нет ничего секретного, чтобы не стало достоянием иностранных разведок.

К чему я клоню? Предупреждаю сразу, товарищи: до информации о египетском учёного мог добраться КГБ. Но это ерунда! В конечном счёте русские – формально наши союзники. Куда хуже это то, что информация еще раньше, чем на Лубянке, могла стать достоянием Моссада. Конечно, у нашей страны хорошие отношения с Израилем и мы занимаем сторону Тель-Авива в их противостоянии с арабским миром, но разве мы можем вот так просто дать моссадовцам увести из-под нашего носа материалы такого масштаба? Это нужно иметь ввиду: израильские спецслужбы тщательнее всех присматриваются к тому, что происходит в арабском мире. Работая над темой французских ЭВМ, мы должны учесть такой фактор, и уметь принять меры, если в эту игру влезет Израиль. Евреи хотят продемонстрировать всему миру, что они – самые главные отморозки Ближнего Востока. Не могу не согласиться: Моссад – серьёзная сила. Но наши парни не хуже: мы – румыны, прямые наследники древних римлян, в наших жилах течёт кровь цезарей, а это значит, что наши легионеры вновь поставят Иерусалим на колени перед латинянами, если будет нужно.

Глава 2

Пока шло совещание резидентуры Секуритате в здании румынского посольства во Франции, у входа на станцию метро «4-е сентября» на одноименной улице во 2-ом округе Парижа, свистя, тормозными колодками, остановился ярко-красный спортивный «Феррари». Автомобиль редкий даже по меркам крупной европейской столицы. Броская, словно экзотический жук, машина сразу же привлекла внимание прохожих. Зеваки с интересом наблюдали, как из салона роскошного автомобиля выбрался немного полноватый мужчина лет сорока пяти -пятидесяти. Его жгуче-чёрные, вьющиеся волосы уже успела тронуть первая седина. Кожа владельца красного «Феррари» была не по-европейски загорелой, да и сам он не напоминал парижанина: большие чёрные глаза, тяжелые веки, низко посаженные скулы, большой горбатый мясистый нос, нависавший кончиком над усами верхней губы, фиолетового цвета пухлые губы. Водитель закрыл свой автомобиль, прихватив с собой кейс. Оправив роскошный серый костюм с отливом, разукрашенный узорами золотисто-красный галстук, он вытащил из кармана пачку сигарет, чиркнул колёсиком металлической зажигалки. Мужчина нервно курил, втягивая лёгкими крепкий никотиновый дым. Он явно нервничал. Не докурив до фильтра, импозантный мсье швырнул сигарету на тротуар, и, прежде всего, оглядевшись по сторонам, двинул по улице 4-го сентября в сторону улицы де ла Мишодьер. На углу мужчина повернул, и еще раз огляделся по сторонам. Затем быстрым шагом прошел улицу де ла Мишодьер вплоть до самой площади Гейон и расположенного напротив нее крупного ступенчатого фонтана, увенчанного изваяниями четырёх мраморных быков.

Загорелый мсье в роскошном костюме, поравнявшись с фонтаном, мотнул рукой, чтобы посмотреть время. Золотые швейцарские «Роллекс» показывали ровно пять часов вечера. Мужчина опять начал озираться по сторонам, словно кого-то высматривая. У фонтана было несколько групп отдыхающих: компашка хиппи, бренчавшая на гитаре что-то индийское, прогуливающаяся парочка, какие-то говорливые студенты. Достопочтенный господин явно выглядел белой вороной среди них. Наконец, к нему прямиком направился высокий мужчина лет тридцати, хорошо сложенный, в его походке и телодвижениях угадывалось что-то пружини-

стое, алертное. Темные волосы коротко отстрижены, лицо несколько вытянутое. Внешние уголки больших зелено-карих глаз направлены книзу, веки дряблые. Нос крупный, мясистый, несколько кривой, за толстыми кривыми губами заметен неровный ряд крупных зубов. Одет он был просто, в отличие от загорелого мсье: приталенная темно-синяя джинсовая куртка, лимонно-желтая рубашка с высоким воротником и расстегнутыми верхними пуговицами, темно-синие расклешенные джинсы, светло-коричневые кожаные башмаки на высоком каблуке. Щурясь от покалывания мелких брызг фонтана, молодой мужчина направился прямиком к импозантному мсье.

Увидев молодого, загорелый господин в сером костюме и с кейсом в руках, облегченно выдохнул, ослабил воротник и галстук. Приложив ладонь правой руки к сердцу, немолодой господин заискивающе, с елейным выражением глаз посмотрел в лицо того, кого он ждал увидеть у этого фонтана. Моложавый мсье ухмыльнулся, мельком оглянулся по сторонам, после чего протянул руку. Загорелый мсье, поставив кейс между ног, по-восточному – двумя руками поздоровался с молодым мужчиной, даже приобнял его.

- Гриф! Гриф! Дорогой мой! Как же я тебя рад видеть! Ты не представляешь с каким нетерпением я ждал встречи с тобой! – начал рассыпаться в здравицах и притворной лести загорелый немолодой господин, с гортанным тоном чеканя слова по-арабски. Им был глава шифровального отдела посольства Египта в Париже Азиз Удэй Гамаль аль-Хаддад.

- Лукавишь, дорогой мой Азиз: куда больше ты сейчас бы любовался молодыми мальчиками, а не мной. Чувствую, что раз ты так отчаянно хотел меня увидеть, то у тебя неприятности. Выкладывай, Азиз! Постараюсь помочь. – ответил египетскому дипломату молодой мсье на хорошем арабском языке, хотя внешне он нисколько не походил на араба. Он был евреем. Настоящее имя того, кто скрывался под оперативным псевдонимом «Гриф» - Виктор Гуревич – офицер Моссада. Когда-то именно он завербовал Азиза аль-Хаддада. Несмотря на внешнюю достопочтенность и видимость благоверного, но просвещенного мусульманина, египетский дипломат имел куда более серьёзные грехи, нежели любовь к элитному алкоголю и табаку. Аль-Хаддад стал жертвой своей слабости к казнокрадству. Он был женат, но в тайне от жены не мог оставить своих гомосексуальных похождений. Даже в Париже, помимо местных жиголо, он окружил себя молодыми парнями из шифровального отдела. Пользуясь своей начальствующей должностью, он шантажировал своих подчиненных – пропуском к движению по карьерной лестнице в шифровальном отделе египетского посольства во Франции служила постель господина Аль-Хаддада. И так, казнокрадство и гомосексуализм стали тем, чем Моссаду можно было шантажировать египетского дипломата.

Аль-Хаддад за время своего предательства государственных интересов родины передал немало важной информации Израилю. Вот и сейчас он искал заступничества у офицера Моссада. У того, слушая рассказ египтянина, улыбка исчезла с лица. Давно Гуревичу-Грифу не приходилось искать выход из такой щекотливой ситуации.

- Двести тысяч долларов, чёрт тебя возьми! Азиз! Двести тысяч! Откуда я возьму такую сумму денег? Ты иногда тормози на поворотах! – негодовал израильтянин.

- Гриф! Дорогой! – едва не плакал Аль-Хаддад. Его большие черные глаза заблестели от слёз. – Я всё для тебя сделаю, только помоги! Инспекция посольства будет уже в августе, и если она сунется проверять финансовый фонд, то денег не обнаружит. Тогда мне конец!

- Азиз, когда ты говоришь, что сделаешь ради меня что-то такое, то я начинаю бояться: ты же у нас любитель молодых парней. – издевался над египетским дипломатом израильский разведчик, похохатывая над его гомосексуальными пристрастиями. – Надеюсь, ты положил эти деньги в какой-нибудь банк, а не выкинул на ветер?

- В этом вся проблема, Гриф. Часть посольского фонда я раздал родственникам в Египте, часть отоварил тут, во Франции. Теперь у меня нет ни одного цента! Это конец!

- Ты сам виноват, Азиз. Позволю поинтересоваться: на что можно потратить такую сумму?

- Я задумал себе машину спортивную купить: «Феррари» новой модели. Денег не хватило, и я взял из сейфа. Можно было бы продать машину, но раз она уже имеет какой-то пробег, то изначальную сумму за нее не получишь. Да и решила бы что-то продажа «Феррари»? Этих денег не хватило бы, чтобы покрыть все хищения из посольского фонда. Но Гриф! Брат! Ты же всегда меня выручал! Придумай что-нибудь. Поспрашивай своих евреев в Париже: может, понемногу насобираете.

- Ну ты и наглец, Азиз!

- Если ты спасёшь меня, то я отблагодарю тебя. Пока я работаю в посольстве, то имею доступ к материалам, которые точно заинтересуют вас, евреев.

С этими словами египтянин открыл кейс и достал из него тонкую папку, сшитую из типографских листов, протянул ее офицеру Моссада.

- Это для того, чтобы не быть голословным. Тут не так много о нашем профессоре прикладной математики Аль-Зенауи. Куда больше находится в нашем посольстве. Чем он интересен? Тем, что он выпускник Сорбонны, где получил научную степень. У него имеются связи с научным миром Франции, в том числе с французами, разрабатывающими перспективные виды вооружений для НАТО. Но Франция, как всегда, ведёт двойную игру: с одной стороны она выражает преданность североатлантическому альянсу, с другой играет собственную партию, желая стать третьей силой, помимо Москвы и Вашингтона. А что нужно гегемону? Разумеется, вассалы! Поэтому Франция наводит тайные мосты с египетским руководством, и даже собирается превратить Египет в оплот французской гегемонии в Северной Африке и на Ближнем Востоке. А чем можно соблазнить мою страну? Не трудно догадаться: оружием, которое поможет Египту стереть Израиль с лица земли.

Эти слова египетского дипломата заставили моссадовца оставить надменный тон. Он еще раз пролистнул папку с досье на профессора Аль-Зенауи, после чего вернулся к разговору.

- Где в Париже остановился ваш профессор. Кто из французов должен с ним выйти на контакт? Имена, адреса!

- Ээээ, дорогой мой Гриф! Ты сначала помоги мне с деньгами, а я в благодарность помогу тебе. Мы же с тобой деловые люди: договоримся. – хитрым тоном ответил Аль-Хаддад, не оставляя для израильтянина выбора.

- Хорошо. По рукам. Азиз, ты как относишься к идее отдохнуть в казино? Тут недалеко есть казино «Калифорния». – предложил Гуревич.

- Не откажусь. Говорят, хозяин «Калифорнии» - еврей. – ответил Аль-Хаддад.

- И всё ты знаешь, Азиз! Это правда: мсье Тевье – еврей. – Кивнул головой Гуревич. Он смекнул, что если у кого-то и брать необходимую сумму денег, то у местного богатого еврея, тем более что владелец казино «Калифорния» мсье Тевье был тайным «добровольным помощником» Моссада, и не раз оказывал помощь еврейскому государству. Бизнесмен мог выдать необходимую сумму денег прямо сейчас – это было бы значительно быстрее, нежели ждать одобрения от штаба ведомства в Тель-Авиве.

- Только за напитки плачу я: а то ты, Азиз, еще закажешь коктейль по цене нового «Феррари». И парней чур не клеить! – расхохотался Гуревич.

Два семита поняли друг друга, и бодрым шагом направились в сторону казино.

Глава 3

Рабочий день пятницы еще не успел закончиться, как она спешно собрала свои вещи и покинула здание редакции на улице Шарля Лафайета. Золотистое солнце разгулялось над сырым от дождей городе. Через два-два с половиной часа она должна быть в Сен-Клу. Времени было предостаточно, но и ехать домой в столь погожий день не хотелось. Девушка направи-

лась в сторону массива Булонского леса. Редакция находилась не столь далеко от этого парка, поэтому девушка частенько там бывала, бродя по тенистым дорожкам и живописным лугам. Перед важной встречей – прогулка на лоне природы как нельзя кстати.

Извилистые тропы между дебрей клёнов, вязов, буков и дубов вывела к территории сада «Аклиматасьон». За изумрудным выкошенным лугом и зеркального блеска озером виднелись павильоны восточноазиатской архитектуры, каменные сады, посадки раскидистых дальневосточных кедров, ив, гингко. Территорию перед комплексом облюбовала отдыхающая публика: в основном, нудисты. Одни из них устраивали пикник на лугу, другие играли в бадминтон или волейбол, третьи просто загорали под лучами летнего солнца. По дорожке, утрамбованной мелким щебнем, навстречу девушке шёл мужчина лет тридцати, вполне заурядной внешности – его нельзя было назвать ни красавцем, ни уродом. Такие заурядные, не запоминающихся типажи можно встретить повсюду, в любом городе мира. Своим видом он резко отличался от расслабленных нудистов: подтянутый, одет в классический костюм, рубашку с галстуком, лакированные туфли. В руках он нёс с собой пузатый кожаный портфель. Мсье вёл себя несколько странно: в его телодвижениях ощущалась какая-то нервозность, тревожность. Он то и дело поправлял воротник рубашки, узел галстука. Проходя через луг с отдыхающими нудистами, незнакомец в дорогом костюме то ли пытался поскорее проскочить это место, отводя глаза от голых отдыхающих, то ли тайком поглядывал в их сторону. Пока лощённый блондин торопливо шагал по тропинке, ему навстречу выехала на велосипеде некая девушка. Из одежды на ней была только бейсболка, сандалии и рюкзак за плечами. Велосипедистка усиленно гремела звоночков велосипеда, предупреждая рассеянного пешехода от неизбежной аварии. Мсье в костюме только в последние секунды увидел несущуюся на него нагую любительницу велопрогулок. Шарахнувшись в сторону, он всё же отбежал в сторону обочины. Правда, велосипедистка сообразила, что этого пешехода легче было лихо объехать, нежели попросить его уступить дорогу. Так она и поступила, удаляясь на своём велосипеде, двигая округлостями натренированных бледных ягодиц. Мужчина еще минуту стоял у обочины, провожая обнаженную диву взглядом, краснея от стыда, будто в своей жизни ни разу не видел нудистов. Прогуливающаяся по Булонскому лесу, откинув назад свои длинные светло-русые волосы, даже рассмеялась, наблюдая за чудаком в костюме. Тот ощутил на себе внимание девушки, и спешно привёл себя в вид достопочтенного господина. Однако его лицо всё равно оставалось пунцово-красным от смущения. Мужчина встретился взглядом с сине-зелеными, словно морские волны, глазами незнакомки, но тут же опустил голову, продолжая шагать ей навстречу.

Когда оба, единственных одетых тут гуляющих почти поравнялись, о мелкий щебень тропинки ударился ярко-жёлтый волейбольный мяч. Краснокожий нудист лет сорока пяти, извиняясь перед светловолосой дивой за то, что едва не ушиб её, увлёкшись игрой, потянулся, чтобы подобрать мяч. Девушка опередила его. Подняв мяч с травы, она ловким движением подбросила его вверх, затем, смело шагнув навстречу абсолютно голому мужчине, отдала спортивный снаряд. В отличие от мужчины в костюме и с портфелем, светловолосая незнакомка с глазами цвета моря, ни проронила ни капли смущения при виде нудиста. Ее белесое лицо даже не тронул и малейший румянец стыда. Достопочтенный мсье, заметив это, даже отшатнулся в сторону от незнакомки, будто от прокаженной. Так они разошлись.

Девушка еще около получаса бродила по каменным дорожкам между павильонами пагод и по деревянным китайским мостикам, перекинутым через гремящие рукотворные ручьи. Гуляющая взглянула на наручные часы: нужно было торопиться. Спешным шагом она вышла из массива Булонского леса, и направилась к станции метро «Ле Саблон». Девушка довольно быстро добралась на метро до Сен-Клу. Далее знакомой дорогой, миновав территорию регулярного парка, свернула на улочку, застроенную невысокими одноэтажными, двухэтажными и трёхэтажными домиками. Путешественницу интересовал двухэтажный особняк с остроконечной крышей, выстроенный из тёмно-красного кирпича. Его передний и боковой фасад был

украшен разросшимся плющом и вьюнками. От основного дома тянулась бетонная коробка – довольно просторный гараж. Девушка нажала кнопку звонка. Спустя пару минут калитку отворил молчаливый мужчина, который пропустил посетительницу внутрь.

Было уже почти шесть часов вечера, когда собрание началось. Оно проходило в одной из комнат на втором этаже дома. Окна заблаговременно были закрыты жалюзи, помещение освещали только тусклые лампы ночников. Собравшихся, помимо светловолосой девушки, было немного: еще одна девушка и трое мужчин. Двое из них сидели за большим дубовым столом. Лица их были скрыты карнавальными масками, сами они были одеты в кожаные куртки, а головы украшали чёрные береты. Позади них на всю площадь стены был распластан алый флаг, по центру которого располагалась надпись, сделанная желтыми буквами «РР-75», а книзу от нее - силуэт автомата Калашникова.

Перед дубовым столом располагались три стула, на которых разместилась блондинка с глазами цвета морской волны, по соседству с ней еще одна молодая особа с пышной шевелюрой вьющихся каштановых волос, и сухощавого вида горбоносый большеглазый молодой человек. Он явно нервничал больше всех остальных, играя желваками своих впалых щёк, теребил чёрную нечёсаную кудрявую шевелюру.

Когда собрание началось, именно этот нервный мсье изложил еще раз то, что его товарищи слышали неоднократно. Раймон – так звали этого молодого человека, работал референтом в парижском Институте электронно-вычислительной техники и кибернетики. Эта организация, разрабатывающая перспективные виды ЭВМ, была тесно связана с военными кругами Франции и ее союзниками по НАТО. Начальником отдела, где работал Раймон был некто профессор прикладной математики и кибернетики Мануэль Дюфо. Учёный слыл человеком строгим, несколько нелюдимым и высокомерным. Кроме того, он был известен своей нетерпимостью к коммунистам, социалистам, хиппи и евреям. Мсье Дюфо можно было бы назвать человеком реакционных взглядов, крайне правым консерватором и противником всего прогрессивного. Столь колкие эпитеты отнюдь бы не оскорбили профессора – скорее он бы был доволен такими характеристиками. Мануэлю Дюфо вообще было всегда плевать на то, что о нём думают окружающие. Зато он был вхож в высокие правительственные кабинеты, считался «своим в доску» в среде военных. По сведениям Раймона отдел профессора Дюфо занимался некой разработкой по взлому управления ракетных систем и ПВО потенциального противника, под которым нужно было понимать социалистические страны. Раймону также было известно, что его патрон должен в ближайшее время встретиться со своим коллегой из Египта. Арабский учёный уже прибыл в Париж. Цель его визита – обмен технологиями в области кибернетики, в частности передача египетской стороне наработанных французами технологий по взлому систем управления вражеских систем ракетного наведения и ПВО.

Сам Раймон, как и все присутствующие на собрании, был членом леворадикальной организации «РР-75». Она была создана три года назад, в тот самый год, когда красные кхмеры под руководством своего вожака Пол Пота свергли проамериканский режим в Кампучии. «РР» - обозначение первых букв названий столиц Кампучии и Франции – Пномпень и Париж. Сочетание этих двух букв подчеркивало идеологическое единство парижских леворадикалов и красных кхмеров. «75» - это обозначение года прихода к власти красных кхмеров и отсчет новой эры революционного движения по мнению радикалов. Группировка «РР-75», придерживаясь марксистко-ленинской ориентации, не только была враждебно настроена против режима Пятой республики и блока НАТО, но и довольно нетерпимо относились к другим французским социалистическим партиям, движениям и политическим клубам, включая просоветскую Французскую Коммунистическую Партию. Эту организацию члены «РР-75» яростно критиковали за пособничество «ревизионизму и социал-империализму» СССР. Советский Союз и его союзники считались априори враждебными «народным массам», а сам этот термин, заимствованный у китайских маоистов, считался более актуальным и современным в отличие от

устаревшей советской формулы о «рабочих и крестьянах». Своим идеалом радикалы «РР-75» видели КНР и Демократическую Кампучию красных кхмеров. Успех последних они мечтали повторить и во Франции, свергнув режим Пятой республики. Методы «РР-75» не отличались от других леворадикальных группировок Европы – теракты, политические убийства, акции устрашения.

Французские поклонники Пол Пота и Мао Цзэдуна давно присматривались к личности профессора Мануэля Дюфо. Через связи в полиции и национальной жандармерии леворадикалам были хорошо известны скелеты в шкафу учёного: тот еще в 30-е годы вступил в «Народную партию» французских фашистов, а в годы оккупации был представителем коллаборационистского правительства Виши. Незнамо каким образом, вероятно, пользуясь своими связями, доктор Дюфо не только ушёл от возмездия, но и довольно неплохо устроился при институте, работающим на интересы НАТО. Ликвидация профессора постоянно откладывалась членами «РР-75»: они каждый раз находили куда более лакомую мишень. Теперь, когда Мануэль Дюфо обладал технологиями, способными сподвигнуть военных НАТО на «крестовый поход против коммунистической заразы», мир, который, казалось, пришёл к политике разрядки и хельсинским соглашениям, грозил рухнуть в бездну последней войны в истории человечества. Отключи компьютеры профессора Дюфо системы ракетного наведения и ПВО стран Варшавского договора, то «Першинги» и тяжелые бомбардировщики обрушили бы тонны атомного оружия на Москву, Варшаву, Восточный Берлин, Прагу, Будапешт, Бухарест и Софию. Несмотря на то, что «РР-75» презирали СССР и его союзников, и козыряли каждому слову почившего два года назад председателю Мао, в том числе о том, что ядерная война нестрашна потому, что приведет к победе «народных масс» и мировой революции, они всё же не могли и не хотели допустить политической и военной эскалации. Они боялись «последней войны в истории человечества». Группировка поставила себе цель любой войной предотвратить ядерную войну. Одним из способов достижения этого, было физическое устранение профессора Дюфо.

За убийство доктора политбюро «РР-75» проголосовало единогласно. Лидеры группировки собирались еще более конспиративным образом, нежели сейчас в Сен-Клу. Никто из членов организации не знал численность политбюро и имен тех, кто в него входил. Сидевшие перед тремя радикалами мужчины в кожаных куртках, карнавальных масках и беретах – были, как раз, представителями политбюро «РР-75».

Тот, который был в маске с лицом статуи Свободы – лидер организации, председатель политбюро. Как он выглядел никто не знал: он всегда носил маску. Настоящее имя тоже никому не было известно. Вождя «РР-75» называли или Поль Пот, или дружище Поль. Действительно ли загадочного лидера звали Поль, или это очередная игра слов, разумеется, тоже никто не знал. Вторым членом политбюро, присутствующим на собрании в Сен-Клу, был Немо – партийный псевдоним по аналогии с персонажем романов Жюля Верна. Настоящее имя человека, скрывающего свое лицо под маской Мики Мауса, также не было никому известно, разве что Полю Поту. Немо был серым кардиналом «РР-75», он отвечал за внутреннюю безопасность и контрразведку радикалов, считался «братом номер 2» в системе иерархии организации.

- Политбюро организации приветствует ваше добровольное решение участвовать в акции. Решение принято: ты, сестра Франсуаза, и ты, сестра Ализи, выбраны для того, чтобы прикончить Дюфо. Время и детали вам сообщат позднее. – обратился к двум девушкам лидер группировки Поль. Услышав слова одобрения, террористки приободрились.

- Теперь нужно решить вопрос с египтянином. Арабский учёный приехал во Францию для того, чтобы его страна обрела технологии, способные сокрушить Израиль и его националистические устремления. – продолжил Немо. – Как мы понимаем, наличие подобного оружия в руках арабской страны обязательно приведёт к войне. Но стоит ли беспокоиться об этом? В любом случае это будет не более, чем очередной локальный ближневосточный конфликт.

Но на этот раз он сложится не в пользу Израиля. Велика ли потеря не досчитаться в списке государств мира сионистского территориального образования? Мое убеждение таково, что мы должны действовать таким образом, чтобы профессор Дюфо передал свои технологии египетскому учёному, прежде чем мы устраним его.

- Товарищи! Я не совсем понимаю. – вставил своё слово Раймон. – Получается мы планируем действовать так, чтобы секретная технология стала достижением Египта? Но режим Анвара Садата проводит реакционную проамериканскую политику. Мы сейчас имеем дело не с Египтом Гамаля Абдель Насера.

- Ты прав, брат Раймон. – ответил Немо. – Однако не стоит забывать, что за видимостью прогрессивности режима Насера стояло пособничество советскому социал-империализму. А сколько коммунистов погибло в застенках тюрем насеровского режима? Риторика нынешнего лидера Египта может отличаться, но суть остаётся прежняя: вылизывание сапог империалистической державе, в данном случае США, и преследование коммунистов. Единственная причина становиться на сторону Египта – это то, что обладание высокотехнологичным оружием избавит страну от внешнего угнетателя – Израиля. Как нам хорошо известно, угнетение бывает двух видов: внутреннее – когда народ эксплуатируется своей же классовой верхушкой, и внешнее – национальное. В случае Египта имеет место и второй тип угнетения – со стороны воинствующего сионизма, который откусывает у страны кусок за куском. Своей акцией мы никак не решим внутренние проблемы арабской страны, зато избавим ее от израильской агрессии.

Затем слово обратно взял дружище Поль:

- Решение принято. Дело осталось за малым. Пока что мы должны найти подходы к профессору Дюфо. Брат Раймон работает его референтом, поэтому в курсе его передвижений. Осталось только выведать его связи с египтянином. Устранить фашиста будет проще, когда тот решит встретиться с арабским учёным. Сестра Франсуаза!

Лидер группировки окликнул ту самую блондинку с глазами цвета моря. Лицо девушки радостно засияло, стоило ей только услышать то, что её роль в операции будет ключевой.

- Визит в Париж видного иностранного учёного – чем не повод взять у него интервью? Наконец, египтянин – выпускник Сорбонны. Под видом того, что ваша троцкистская газета интересуется судьбой и карьерой учёного из постколониальной страны, получившего европейское образование, можно выведать, где он остановился, в каких местах Парижа появляется – так нам будет легче следить за ним, а, следовательно, и за профессором Дюфо. Сестра Франсуаза, поговори с Жюлем, намекни ему как-нибудь.

Настоящее имя сестры Франсуазы по паспорту – Марина Платонофф, или, если следовать правилам русского языка – Марина Платонова. Она родилась и выросла во Франции в русской диаспоре. История семьи Марины такова: её отец – молодой юнкер, участник гражданской войны в России, воевавший в составе армий Деникина и Врангеля, как и многие другие белогвардейцы, после поражения бежал за границу. Григорий Платонов прибыл во Францию, не имея в кармане ни одной копейки, и ни одного су. Долгое время выживал за счет случайной работы или приживалой в домах куда более богатых эмигрантов из России. Часом его славы была вторая половина тридцатых годов, когда ярый антисоветчик и антикоммунист вступил в Народную партию Жака Дорио. Григорий Платонов не сомневался в том, что новая война не за горами, а какая-нибудь западная страна – Германия, Великобритания или Франция обязательно объявит крестовый поход против СССР. Для фашистского активиста это была надежда поквитаться за поражение в гражданской войне. Исторические события, однако, развивались так, что фашизм, прежде чем ударить по СССР, обрушился на страны западной демократии. Когда Франция оказалась под стальной пятой гитлеровской оккупации, и в городке Виши было сформировано коллаборационистское правительство маршала Петена, Григорий Платонов занял при нём неплохую должность, окружив себя реваншистски настроенными членами русской диаспоры. Примерно в это время ему приглянулась взрослеющая дочка одного

из друзей – Елизавета. Ей не было еще и пятнадцати лет, когда ее отдали в дом Платонова работать горничной. Чувства к молодой служанке накалялись день ото дня. Накануне падения режима Виши Григорий Платонов женился на Елизавете. Неизвестно каким образом, пособнику оккупантов удалось уйти от наказания. Он и его молодая жена продолжали жить жизнью обычных французов и при американской оккупации и при режиме Четвёртой республики.

Когда началась холодная война, а Европу разделил железный занавес, старый ненавистник Советской России и коммунистов вновь оказался нужным. К этому времени, в пятьдесят третьем году у Григория и Елизаветы Платоновых родилась дочь – Марина. Семья переехала из Виши в Париж, где отец семейства получил должность в городской префектуре, и даже начал строить политическую карьеру ярого антикоммуниста, поборника нового крестового похода против СССР.

Это случилось спустя пять лет после рождения Марины. В руках французской разведки оказались материалы о сотрудничестве Григория Платонова с оккупационным режимом, и то, что тот был осведомителем гестапо. Платонов покончил жизнь самоубийством в тюремной камере на второй день после ареста. Он так ничего и не успел рассказать следователям, страшные тайны Второй мировой войны Григорий Платонов унёс с собой в могилу. В связи с его смертью, дело было прекращено. Многие обвинения против Платонова так и остались навеки недоказанными. Своим самоубийством он спас от тяжкой доли семью – жену и маленькую дочку.

Марина плохо помнила отца. В ее памяти он остался навсегда строгим, седовласым, и всегда любящим. Прошли годы, стали забываться те песенки, считалочки и молитвы, которым учил Григорий Платонов Марину – его семья дома всегда разговаривала между собой по-русски. Девочка росла в мире классической западной демократии и европейского просвещения. Давно забылись идеалы белого движения, а его последние рыцари всё чаще находили покой на русском кладбище в Париже. Мать Марины – Елизавета Платонова была женщиной аполитичной, ее куда больше интересовали вопросы быта и заботы о дочери. Она не читала газет, а новости радиоэфира слушала словно музыку – как фон для работы. Белая идея для женщины была лишь неясным призраком прошлого.

Марина поступила на филологический факультет Сорбонны в те годы, годы, когда Франция, как и вся Европа, кипела политическими событиями. Ревущие шестидесятые рвались сквозь бреши старого уходящего мира. Новый политический ландшафт, культура западной демократии и левизна интеллектуальных кругов Франции сделали Марину такой, какова она была сейчас: марксистка, атеистка, горячая поклонница светочей коммунистического мира – Ленина, Мао, Хо Ши Мина, Пол Пота. В Марине не было ничего, чтобы ее роднило с отцом – Григорием Платоновым. Она была холодна к идеям предков, которые бежали из России после Октябрьской революции. Можно сказать больше: Марина по духу была ближе к тем, кто стал гонителем её предков.

Левый радикализм девушки рос день ото дня. Её благоволение в отношении Французской Коммунистической Партии и личности Мориса Тореза сменилось яростной критикой. Марина повторяла риторику интеллектуальных лидеров левого движения Франции о том, что ФКП – ревизионистская организация, предавшая революционную идею, впавшая в оппортунизм, идя на согласие с советским социал-империализмом и буржуазным режимом Пятой республики. Так девушка додрейфовала до троцкистского сообщества, устроившись работать корреспондентской в редакцию газеты «Компас». Но и этого ей показалось малым: следуя развитию своей политической логики, она стала членом террористической организации «РР-75».

Радикальные взгляды Марины привели к ссоре с матерью. Особенно часто конфликты вспыхивали на религиозной почве: набожная православная Елизавета Платонова не могла смириться с тем, что её дочь теперь открыто заявляла о своём атеизме и горячо доказывала матери глупость и бессмысленность религии. Впрочем, Марина не была единственным подобным при-

мером. Последующие поколения белоэмигрантов оказались холодны к идеям предков, живших в начале века, а многие и вовсе стали нерелигиозными. Жизнь в мире западной демократии и левый интеллектуализм не оставил места для идей Белой России. Если между буржуазным и социалистическим миром лежал железный занавес, то о монархических идеях, «Святой Руси», самодержавии и соборности белоэмигрантов можно сказать следующее: «Белая идея» лежит на совсем на другом полюсе, нежели споры о том, что лучше – капитализм или коммунизм. Белая идея осталась мечтой части русского народа, которая жила в начале двадцатого века, а сейчас, когда на дворе кипели семидесятые, белогвардейские мечты выглядели старомодно, нелепо, неприменимо к текущей эпохи. Одним словом, это был отживший анахронизм.

Марина несмотря на то, что родилась и выросла во Франции, оставалась глубоко русским человеком, только современным. Её русское происхождение было проблемой для девушки: некогда в гостеприимной к выходцам из восточноевропейской страны Франции на русских стали косо поглядывать.

Первая причина такого отношения – это то, что значительная часть эмигрантов из России скомпрометировала себя связями с режимом Виши и пособничеством гитлеровской оккупации. Французы, ранее сочувствовавшие изгнанникам из России, стали понимать и принимать позицию СССР: теперь всё меньше возникало вопросов о том, за что большевики их выдворили из страны. Зато стало появляться озлобление: белоэмигрантская публика прославилась во Франции крайней реакционностью и фашистскими взглядами. Если в СССР выдохнули тогда, когда страна исторгла из себя этот корень зла, то Франции, приютившей реакционеров, пришлось пожинать ядовитые плоды.

Вторая причина негативного отношения к русским была холодная война. Буржуазная Франция и социалистическая Россия находились в противоположных траншеях, а русские и Россия стали плотно ассоциироваться с коммунистами и советскими шпионами.

Марина была ярким тому примером. Её задевало, когда на нее за ее русское происхождение наклевали ярлык «фашистки» и «советской шпионки», но при этом при всём не было дыма без огня: Марина являлась одновременно коммунисткой и дочерью фашиста. Поэтому, она и взяла себе партийный псевдоним «сестра Франсуаза», чтобы лишний раз скрыть своё происхождение. Вот и теперь сестра Франсуаза – Марина Платонова сияла от радости, когда Политбюро «РР-75» одобрило ее участие в покушении на реакционного профессора Дюфо.

Глава 4

Воскресенье. Последний выходной. Завтра утром главному редактору «Компаса» Марина должна была принести кассету, на плёнку которой записано интервью тайских коммунистов. Любопытные для троцкистского издания материалы были любезно предоставлены парижским путешественником, владельцем брассери «Гринвич», расположенного в Латинском квартале.

Марина заглушила двигатель своего мотоцикла, сняла шлем. Она подняла воротник бардовой лакированной кожаной куртки, защищаясь от пронизывающего сырого ветра. Дернув замасленную ручку двери брассери, она оказалась внутри теплого помещения, тускло освещаемого лимонно-желтым электрическим светом грязных светильников. В это воскресенье, впрочем, как и всегда, в «Гринвиче» было много гостей. Марина куда с большим удовольствием провела бы этот день дома, поэтому царящее веселье в брассери ей было не по душе. Отстраненная от мира, она молча прошла к барной стойке, молча заняла местечко, положим мотоциклетный шлем на колени, и заказала коктейль. Красивая молодая женщина чувствовала на себе нескромные мужские взгляды, но не отвечала взаимностью. Потенциальных ухажёров она предпочитала не замечать. Марина вытащила из кармана куртки клочок блокнотной бумаги и передала его бармену. Тот молча кивнул, после чего потянулся к телефонному аппарату, стоявшему на барной стойке. Девушка принялась неторопливо потягивать коктейль, когда ее

внимание упало на одного из гостей «Гринвича». Среднего роста, обычно сложенный, тёмно-русые волосы, симметричные черты лица – самого обычного, лишенного какой-то изюминки. Мужчину нельзя было назвать ни красавцем, ни уродом – самый заурядный мужчина. Марине за свою жизнь доводилось видеть куда более красивых представителей противоположного пола. Лицо гостя показалось девушке знакомым: она явно его где-то видела. Размешивая соломинкой коктейль, Марина пыталась ворошить в памяти лица, образы. Точно! Это тот самый чудак, которого она встретила в эту пятницу в Булонском лесу. Только этот тип сейчас был одет не в классический костюм, а в болотного цвета ветровку, желтую кофту, голубые джинсы и туфли на высоком каблуке. При нём не было пузатого кожаного портфеля, а сам обладатель выглядел расслаблено. Марине даже показалось, что этот мужчин немного пьян. Продолжая искоса поглядывать на загадочного чудака, девушка изучала и его приятелей. Их было двое.

Первый – высокого роста, плечистый, с почти плоской грудью, с длинными руками и ногами. Когда он разговаривал, его голова с зализанной набок чёлкой и волосами, ниспадающими на уши, покачивалась на длинной мускулистой шее. Лицо этого мужчины тоже нельзя было назвать красивым, оно даже несколько грубоватое: высокий выпуклый лоб, низко посаженные кустистые чёрные брови, прищуренные глаза, хрящеватый нос, проступающие через кожу скулы, тонкие, словно ниточка губы. Одет мужчина был просто: чёрная кожаная куртка нараспашку, рубашка в крупную красно-синюю клетку, расклешенные джинсы, нелепого фасона коричневые туфли.

Второй приятель чудака из Булонского леса был невысокого роста, сухощавый. Его непропорционально крупная голова казалась еще больше из-за растрёпанной копны кудрявых тёмно-каштановых волос. На вздёрнутом носу очки с толстенными линзами и в массивной оправе. Крошечный гладковыбритый подбородок, губы бантиком. Этот мужчина был чем-то похож на подростка. Сходства добавляли его ужимки, широкая улыбка кривых зубов. Одет он был в простенький тёмно-коричневый костюмчик, бежевую рубашку с цветочным принтом, такого же фасона небрежно завязанный галстук. На ногах старомодные остроносые лакированные туфли. Этот дружок чудака из Булонского леса был самым разговорчивым и весёлым. Он постоянно улыбался, прыскал смехом, без устали что-то рассказывал, жестикулируя крохотной ручонкой, которой он держал стаканчик с какой-то жидкостью.

Чудаковатым незнакомцем из Булонского леса был резидент КГБ Гелий Русаков, который работал в советском посольстве в Париже под видом референта советника по вопросам культуры и гуманитарного сотрудничества. Предаваясь отдыху в брассери «Гринвич», он поймал на себе электрический взгляд незнакомки, сидевшей за барной стойкой с мотоциклетным шлемом на коленях. Светло-русые длинные волосы, выразительные глаза цвета моря, маленький вздёрнутый нос, крохотные тонкие губы и несколько заострённый подбородок. Два дня назад он уже видел эту девушку, а сейчас она сверлит его своими морскими глазами.

- Никак не могу привыкнуть к джину! Что за гадость! Как по мне, так лучше водки еще ничего не придумали. – поморщился Гелий, принюхиваясь к содержимому рюмки.

- А это и есть водка, только можжевеловая. – Подметил пышноволосый товарищ в очках. Он тоже был сотрудником КГБ и работал в советском посольстве помощником атташе по вопросам научного сотрудничества. В реальности это только прикрытие. В отличие от Русакова, который работал по линии «С» - разведывательные операции под видом дипломата, пышноволосый балагур относился к линии «Т» - техническое обеспечение, занимавшееся прослушиванием, шифрованием и радиоперехватом.

- Самогон. – односложно пояснил сухощавый здоровяк с грубым лицом. Как и предыдущие двое, он также был сотрудником КГБ и работал по линии «КР» - контрразведка.

- Ничего ты не понимаешь в благородных напитках, Лерик. – укорял здоровяка кудрявый. – Чтобы научиться ценить алкоголь, нужно пить его по чуть-чуть, чтобы оставалось лёгкое послевкусие. Именно так, а не надираться в хлам, как часто с тобой бывает.

- Ты, Павел, утверждал, что тут есть хорошее вино сорта мерло. Как оказалось, это просто пойло. Такое дрянное вино годится разве что для того, чтобы нарезаться до потери пульса. Вообще странные вещи замечаю за время работы во Франции: хвалимые вина и сыры – редкостное дерьмо, а какие-нибудь второсортные сорта – очень даже ничего. – ответил Гелий кудрявому другу, поддерживая Валерия.

- Даже не думай уподобляться Лерику, Гел! Я это говорю не только потому, что в случае попойки получишь нагоняй от генерала. Париж – дело такое… стоит напиться, как обязательно влипнешь в неприятную историю. Ты намедни рассказывал про нудистов в Булонском лесу. А ты слышал историю, как год назад троих польских разведчиков выдворили из Франции за их проделки в этом парке.

- И что же они такое наделали? – заинтересовался рассказом Павла Гелий.

- Также как и ты, повадились шастать по этому злополучному Булонскому лесу, лазали по кустам, подглядывая за хорошенькими молоденькими нудисточками. А ты же знаешь, как умеют французы «пасти» работников посольств стран Соцлагеря… вот их контрразведчики решили, что поляки что-то закладывают в кустах, повязали. Уже при допросе выяснилось, что эти польские дипломаты – никакие не дипломаты, а разведчики. Только ничего они закладывать там не собирались – только подглядывали за голыми отдыхающими, причём прилично надравшись. Поляков выслали из Франции за нарушение общественного порядка – так бесславно закончилась их разведывательная миссия.

- Представляю какую им головомойку за эту историю начальство устроило. – покачал головой Валерий.

- Какие моралисты эти французы! Ещё учат нас, что прилично, а что нет. А сами разгуливают по городу в чём мать родила с таким видом, будто ничего особенного не происходит, а они сами вышли на променад в элегантном костюме. – фыркнул Гелий, отпив немного джина, и закусив его лимоном.

- Ну, как тебе этот джин? Хороший английский сорт, между прочим! – поинтересовался опытом друга Павел Арский.

- Английский джин такой же дрянной, как и английская погода. – морщась, хрипло пробормотал Русаков. – Да в этом чёртовом Булонском лесу вечно какая-то дичь происходит! Всему Парижу известно, что этот парк – хороший способ найти себе проститутку на любой вкус и цвет. А их там действительно пруд пруди! И в этом виноваты сами французы, а не мы и поляки!

Разглагольствуя на тему упадочных нравов Франции, и, наблюдая за белокурой незнакомкой с глазами цвета моря, Русаков добавил:

- Одна из этих булонских проституток прямо сейчас в этом брассери. Вон она: кажись, за нами наблюдает… бесстыдница!

Друзья мигом обернулись в сторону сидящей за барной стойкой девушки. Та, заметив, что мужчины обратили на нее внимание, опустила глаза.

- В кожаной куртке и с мотоциклетным шлемом? – рыскал стеклянными линзами очков Павел.

- Да. Она самая. Только не пялься на нее так открыто: пусть думает, что мы просто отдыхаем, пьем, и не ищем никаких женщин. – остепенил Арского Русаков, дёрнув за лацкан пиджака.

- Ух ты! А она ничего! – оценил внешние данные незнакомки Павел, многозначительно улыбаясь.

- Ничего особенного. К тому же еще и проститутка. – поморщился контрразведчик Валерий Скиба.

- Ты ее знаешь? – удивился Гелий.

- Первый раз вижу. Но то, что она – проститутка, в этом сомнений нет. Отчего она шляется одна по заведением, полным мужчин?

- Приехав на мотоцикле? Наверное, еще так возит клиентов в свой будуар? – ухмыльнулся Арский, продолжая оборачиваться в сторону загадочной пришелицы из Булонского леса, словно сомневаясь в ремесле, которым они вот так запросто прицепили к девушке, совсем не зная её. – Слышал анекдот про Булонский лес? Если нет, то сейчас расскажу.

Идёт, значит, парижанка по Булонскому лесу. И тут внезапно из кустов выскакивает маньяк-извращенец, утаскивает мадам, а потом в этих же кустах грубо насилует. Когда маньяк сделал своё чёрное дело, то спросил парижанку о том, как она дома мужу объяснит то, что с ней произошло в Булонском лесу. Та отвечает: «так и скажу – меня поймал маньяк, затащил в кусты и дважды изнасиловал». Насильник удивился такому ответу и даже возразил парижанке, мол он изнасиловал её только один раз. Мадам заявила следующее: «а что, мсье? Вы куда-то торопитесь? На второй раз мне рассчитывать не стоит?»

Все трое расхохотались.

- Город разврата. К этому пора привыкнуть. А ты, прав, Паша: с такими вещами в Париже нужно быть осторожнее. Еще свежи воспоминания, когда нашей резидентуре приходилось снимать на плёнку встречи испанских дипломатов с жрицами любви, или их визиты в стриптиз-клубы. Вот были времена! Жаль, я тогда не работал в Париже! – с грустью заметил Русаков.

- Ты, небось, уже испанский и вовсе забыл, Гел? Теперь, когда почил старина Франко, вербовать испанцев – пустое занятие. Теперь их дипломаты могут сколько угодно посещать «Мулен-Руж» или «Крэзи Хорс» - никто не сможет их упрекнуть за недостаточную католическую набожность и упадок нравов. Демократия! Как ни парадоксально, мы, советские дипломаты, находимся в тисках нравоучительных нотаций, не лучше, чем испанские фашисты. – заметил Валерий.

- Лерик! Ты не бери лишнего! И чего это ты нас, коммунистов, поставил в ровень с фашистами? – возмутился Русаков.

- Это между нами, чекистами. Простые наблюдения. Нетрудно заметить двоемыслие и лицемерие с нашей, советской стороны. Получается, что мы похохатывали над страхом испанцев испортить репутацию из-за какой-то ерунды, но сами точно такие же. Теперь всё изменилось: Испания выучила горькие уроки, а СССР нет.

Валерия частенько скрывало на откровенности, особенно когда в его крови оказывался алкоголь. Его слова порой были хлёстки, нелицеприятны и задевали за больное. Однако, Скиба всегда говорил, по существу. Причем умел зорко подмечать те явления и тенденции, на которые обычно никто не обращал внимания. Вот и сейчас Павел Арский и Гелий Русаков не находили доводов для возражения: советская резидентура уже как третий год не могла завербовать во Франции ни одного испанского дипломата. Русаков, владевший помимо французского языка, еще и испанским, остался буквально без работы.

- А я бы подошел и познакомился с этой белокурой мотоциклисткой. Наконец, предлагать интим вовсе необязательно. Зато что плохого в том, чтобы просто поболтать? – вернулся к обсуждению девушки Арский, желая поскорее соскочить с неудобной темы об Испании.

- Иди! – приободрял Павла Гелий.

- Лучше ты, Гел. Тебя она видит уже не в первый раз, в отличие от нас.

- Думаю, что предлагать алкоголь ей не стоит: спиртное и управление мотоциклом – несовместимые вещи.

Стоило только Русакову произнести эти слова, как товарищи, хлопнув его по плечу, всучили стакан с джином и толкнули в сторону белокурой незнакомки. Та, тайком наблюдая за мужской компанией, поняла суть событий, которые должны последовать. Чтобы лишний раз не смущать раскрасневшегося чудака со стаканом джина в руке, Марина отвела глаза и прикрыла лицо локоном волос.

Пока Русаков мешкал, стоя с глупым видом, держа стакан в руке, к блондинке подрулил жгуче-чёрный усатый брюнет в темных очках-авиаторах. Уверенной пританцовывающей походкой, засучив рукава приталенной коричневой кожаной куртки, он уселся за барную стойку рядом с незнакомкой. Опустив на нос очки, наклонился к девушке, и что-то начал говорить. К троим чекистам усатый брюнет сидел спиной, поэтому было невозможно прочесть по губам, что он говорит.

Русакову пришлось вернуться к друзьям. Самоуверенный хлыщ только что из-под его чекистского носа увёл белокурую красавицу. Гелия это даже задело несмотря на то, что еще минуту назад он не имел на девушку никаких планов. Глядя на развалившегося за барной стойкой победителя, Русаков с грустью вздохнул и без всякой закуски опрокинул в глотку полный стакан джина.

Глава 5

Самоуверенный незнакомец занял место за барной стойкой рядом с Мариной. Ухмыльнувшись своим желтоватым ровным рядом зубов, он обвёл глазами девушку. Без лишних прелюдий он начал разговор, коверкая французский язык на итальянский манер.

- Очень странно видеть такую прелестную сеньориту тут без сопровождения кавалера. Позволю себе смелость заметить, что он – олух, если отважился вас оставить одну.

Марине тон разговора усатого итальянца не понравился, но она старалась не подавать вида.

- Вы ошибаетесь, если думаете, что я сюда пришла ради легкомысленных знакомств. Я по делам.

- Делам чего? Сердца? Хахаха! Хохохо! Вы из министерства любовных дел? Хахаха. Хохохо! А как же тот сеньор со стаканом, который только что намеревался составить вам общество? – кивнул наглый иностранец в сторону Русакова, который вернулся к друзьям.

- Увы. Мне этот мсье совсем неизвестен. И я не собиралась с ним заводить знакомство. Впрочем, как и со всеми остальными. – Подчеркнула она, давая понять свое отношение к итальянцу.

- Как знаете, милая сеньорита. Я не навязываюсь вам. Скажу только, что ваш главный редактор сеньор Жюль может быть спокоен: кассету я доставил.

Марина удивилась и переменилась в лице, но итальянец ее опередил.

- Совсем забыл представиться: меня зовут Андреа Адольфо Филипп Александр Гранделис. Вот моя визитка, а вот ваша кассета. Хозяин заведения был занят, а я решил помочь другу. Если что, то я знаком с сеньором Рабьё. В Париж я приехал не так давно – дела. Вообще я занимаюсь банковской деятельностью: если детально, то обеспечиваю оборудованием один из миланских банков. В Италии хороших компьютеров, качественных перфокарт и прочей офисной техники не достать, зато у меня на этот случай имеются связи во Франции.

- Зато я вас вижу впервые, сеньор Гранделис. Удивлена тому, что вы меня каким-то образом знаете. – Настороженно ответила Марина, перечитывая информацию на визитке.

- Удивлены? Простите! Не хотел вас смутить. Просто во Франции мне приходится бывать часто: вот и привык к вашему телевиденью, радио, газетам. Вашу фотографию с репортажем я видел в одном из номеров «Компаса». Приятно был поражен, что сегодня мне неожиданно выпал случай познакомиться с вами в реальной жизни. Марина… Палто… Палато… простите, вашу фамилию я еще не успел выучить.

- Платонофф.

- Необычная фамилия для латинской страны. В вас есть что-то северное, ветрено-морское: как будто дуновение Балтики. Вы по происхождению немка? Датчанка?

- Русская.

- О! Не угадал! Но сути дела не меняет: всё равно у вас северный типаж. Хочу заметить, что он придает вам особый шарм.

- Только не говорите, сеньор Гранделис, что читаете все номера «Компаса». – С некой неприязнью ухмыльнулась девушка.

- Врать не буду: политические новости не люблю. Тем более коммунистического толка. Моя деятельность связана с бизнесом, а, бизнес, как вам известно, с марксистской идеологией несовместим. Своим успехом я обязан капитализму и правилам свободного рынка. Кем бы я был сейчас, к примеру, в стране ваших предков? Обычным клерком?

- Самоуверенным клерком.

- Еще раз простите за мою назойливость, сеньорита Марина. Просто у меня натура такая. Не корите лишний раз. – развел руками Гранделис и виновато покачал головой.

- И вы меня простите, сеньор, за мою категоричность. Я искренне не желала вас обидеть: просто ваше появление было столь неожиданным…

- Мир! – улыбнулся усач.

- Труд и май! И большое спасибо вам за кассету. – Ответила взаимностью Марина, убедившись, что на корешке было указание именно на интервью тайских коммунистов.

- Вы торопитесь? Могу предложить вас свою услугу: возле брассери припаркован мой автомобиль.

- У меня мотоцикл, как вы успели заметить. – Марина продемонстрировала итальянцу свой шлем.

- А на машине было бы куда комфортнее в такую мерзкую погоду. – Удручённо произнес бизнесмен. – Кстати, вы случайно по долгу вашей марксистской службы, не пишите статьи об учёных из третьих стран? Насколько мне известно, коммунисты любят превозносить новоиспеченных деятелей молодой науки Азии, Африки или Латинской Америки. Нужно же доказать то, что их страны не зря обрели независимость и вполне могут жить без европейских попечителей. Если заинтересуетесь моим предложением, тот могу дать наводку на одного профессора из арабской страны.

- А вот это уже интересно! – заблестели глаза Марины. – Он сейчас во Франции? Чем занимается?

- Египтянин. Остановился в Париже. Он доктор прикладной математики и кибернетики. Тема научных изысканий редкая и довольно перспективная: технологии нашего мира всё стремительнее развиваются. Вот и Египет не стал исключением. Жаль, что у нас в Италии нет специалистов, подобных доктору Аль-Зенауи.

- Вы даже знаете его имя?

- Разумеется! Как может мой солидный банк может не интересоваться специалистами такого уровня? Очень бы хотелось, чтобы сеньор Аль-Зенауи помог нам.

- Допустим, арабский учёный поможет итальянскому банку в оборудовании… но почему вы не купите то, что вам нужно? Ведь вы утверждаете, сеньор Гранделис, что ваш банк солидный. Или денег не хватает?

- Просто так закупить барахло, вроде факсов, копировальных аппаратов и телетайпов любой кретин сможет. Но нас интересует нечто большее: технологии, способные обезопасить наш бизнес и наших клиентов. Как вы понимаете, здесь потребуется нечто большее – то, чем не располагают наши конкуренты.

- Не понимаю, сеньор Гранделис: чем я могу помочь вам и вашему банку? Ни в прикладной математике, ни в оборудовании я не разбираюсь.

- Зато вы можете ответить мне услугой за услугу. Я вам даю наводку для интересного репортажа, даю парижский адрес египетского профессора. А вы, в свою очередь, снабжаете светоча кибернетической мысли моей визиткой. Уверен, что профессор неглуп, и заинтересу-

ется моим предложением о сотрудничестве. – Пояснил итальянец, протянув Марине еще одну визитку.

- Бизнес-сделка?

- На языке капитализма это называется именно так. Поспешу вас огорчить, милая сеньорита Марина: по правилам делового мира такие услуги не остаются без благодарности. Мы – не коммунисты: у нас есть деньги, и мы рады щедро заплатить тому, кто принесет выгоду. Поэтому, помимо гонорара за статью во второсортном издании вы получите от нашего банка хорошую сумму. Египетский профессор тоже может на этот счет не беспокоиться: его труд не останется неоцененным – у нас труд не обобществлён.

- Интересно, сколько прибавочной стоимости вы положите себе в карман за мои услуги и услуги профессора?

- Обижаете, сеньорита! На эту сумму вы сможете себе купить новый автомобиль вместо мотоцикла, чтобы в такую погоду кататься по Парижу с комфортом. – не оставлял сомнений итальянец. – Как говорят у нас в Милане: «сквозняк и ветер убивает быстрее оспы».

Марина не отказалась от предложенной сделки несмотря на то, что эта встреча и этот иностранец показались ей странными. За последние дни она уже не раз слышит о неком профессоре из арабской страны, который остановился в Париже. Он как-то связан с тем, кого она должна убить – доктором Дюфо. Причём Марину интересовали не столько деньги, а сколько возможность подобраться вплотную к профессору Аль-Зенауи, а через него выйти на Дюфо. Итальянец был рад совершенной сделке, затем, распрощавшись с Мариной, вышел из брассери, сел в свой роскошный «Мерседес»-купе с крытым верхом и умчался восвояси. Девушке же предстояло добираться до дома на своём мотоцикле самостоятельно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.